

плоть и кровь европейских народов. Французский политический философ П.Бурдьё именует этот феномен «государством в головах» — удержанием в коллективном сознании требований государственной активности, в частности, сохранения защитной патерналистской функции государства по отношению к своему народу.

Обстановка переходного периода сближает в этом отношении российские позиции и подходы с западными, выводя на первый план анализ перспектив развития в стране сильного государства. Опыт всех предшествовавших крупномасштабных трансформаций свидетельствует о том, что первым и главным проводником и инструментом прогрессивных нововведений в подобные времена было именно государство. Так случилось в петровский век первого импульса европеизации, то же произошло в советский период, несмотря на теоретический негативизм в отношении государства в первое после-революционное время. Ныне государство вновь становится призванным создать свой противовес — гражданское общество, возродившись таким образом в форме правового государства.

ГЛАВА I. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ О ГОСУДАРСТВЕ: «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ» И «ЭТИЧЕСКОЕ»

За последние годы в России либеральные оценки государства создали представление о нем как о некоей надличностной и надсоциальной организации, которая мешает нормальному человеческому существованию и препятствует развитию общества. Такая позиция тесно коррелируется со взглядом, распространенным в западной мысли второй половины XX в.. Он характеризуется стремлением сузить социальную территорию государства, сводя всю его деятельность к одной только функции – аппаратной функции управления. Указанный ограничительный взгляд на государство, несомненно, – принадлежность неолиберализма. Однако, поскольку неолиберальный подход все чаще признается, по распространенному сегодня выражению, «мейнстримом» (англ. *mainstream* – главное течение) современной теории и практики, этот подход становится аксиоматическим.

В популярном американском учебнике по философии П.Вольфа, выдержавшем к 1989 году четыре издания, дается следующая дефиниция государства: «Государство – это группа людей, которая правит, издает законы, управляет социальными процессами и вырабатывает

правила для социальных групп на определенных территориях и в пределах определенных границ»¹. Схожие трактовки присутствуют и у ведущих европейских идеологов. Ф.Хайек подразумевает под государством одну из многочисленных общественных организаций, которая создана людьми исключительно в целях единообразного управления. Она, подчеркивает американский исследователь, «ни в коем случае не идентична самому обществу» и «ограничена правительственным аппаратом»². Французские философы Б.Бади и П.Бирнбаум, авторы труда «Социология государства», определяют государство как «хорошо организованную машину власти»³. Однако государство не есть только и исключительно механизм социального функционирования. Эта несомненная сторона его деятельности составляет хотя и очевидную, но всего лишь часть его субстанциальности.

Наступление на государство происходит не только в современной теории и практической политике. Устойчивая тенденция к сужению поля государственности прослеживается в процессе эволюции западной политической мысли о государстве, начиная с античности до настоящего времени. Трансформация происходит в направлении от восприятия государства как равномасштабного всему обществу, объединяющего помыслы всех граждан относительно ключевых сторон развития общества, к низведению государства до статуса рядового института общества, правда, «первого среди равных». Изменяется отношение к нему и как к объединительному союзу. Если в теориях античности государство понималось как особого рода позитивная коллективность, интересы которой стоят превыше всего, в том числе частных, личных интересов отдельных граждан, то в современных теориях его отождествляют

с «инструментом» управления, далеко не всегда надежным, отлаженным и не очень совершенным. Оно уже мыслится не столько как средоточие высших помыслов нации, ответственное за «поле общего» в социальном ансамбле, сколько как механизм, которым могут злоупотреблять отдельные люди и группы в своих корыстных целях. Оно не только не выражает квинтэссенцию общих интересов, но часто препятствует их исполнению.

Помимо физического, материального аспекта изменения поля государственности, имеет место глубокая трансформация морально-аксиологического отношения к нему. Если в античной мысли государство воспринималось в шкале абсолютных нравственных оценок как безусловное «добро» и «благо», то крайние течения современной политической мысли чаще всего видят в нем «зло», источник пороков и дисфункций общественного развития. Античная политическая идеология уповала на государство как на идейную силу порядка, которую добровольно приемлет и волю которой поддерживает общество в целом. Современные, в частности, либерально-демократические течения видят в нем источник принудительности и дезорганизации, которую оно вносит в работу «невидимого» механизма самоорганизации рыночного и гражданского общества. Одновременно имеет место тенденция к элиминации объединительной функции государства, отрицание восприятия его как ответственного за «поле общего» в социальном ансамбле.

Следует признать, что уже в древнегреческой социально-философской мысли присутствовали идеи, которые много позже оформились как либеральная доктрина. В частности, софисты, и в их числе первый —

Протагор провозгласили тезис философского релятивизма о «человеке как мере всех вещей» и были в определенной мере провозвестниками индивидуалистического акцента грядущего либерализма Нового времени. Моральный индивидуализм и субъективизм, «нравственную свободу» в развернутой форме преподносила и сократическая этика. Однако в целом политическая идеология античности оформилась прежде всего как позитивно-государственная идеология обязательного человеческого общежития.

1. Объединительная и позитивно-нравственная государственная идеология античности

Квинтэссенцию идей античности представляет политическое учение **Аристотеля**. Философ не отрицал идею частной собственности как главного принципа построения хозяйственной жизни, был приверженцем демократизма в политике, т.е. поддерживал все те тезисы, которые начиная с XVIII в. оформляются как либерально-политические принципы и идеологически противостоят засилью государства и государственно-му вмешательству в жизнь общества. Вместе с тем Аристотель видел в государстве ведущее и, несомненно, благое оформление политического бытия.

Главное достижение аристотелевой мысли, которое, пройдя сквозь века, позволяет сегодня выразить философско-политическую основу государства, — это то, что только идея государства дает возможность сформулировать и практически организовать «поле общего» в социуме⁴. В то же время Аристотель вовсе не абсолютизирует единство, он отчетливо осознает преде-

лы такой общности. Общество — это прежде всего множество, оно объемлет противоречивые интересы, конфликты, включает различные части и составные элементы. Но поскольку «то, из чего составляется единство, включает в себе различие по качеству»⁵, именно это-то, настаивает он, и делает фундаментальной чертой, определяющей государство, поле общего, за которое оно ответственно.

Такая постановка вопроса позволяет рассматривать государство не только как учреждение и институт политической практики (государство в узком смысле слова), но государство как идею. Отсюда следует, в частности, что государство подобает рассматривать и как задачу, и как проект. Тогда оно становится носителем определенного нравственного идеала, выступает как *ответственным за то, что составляет общее* для каждого отдельного, но которое вовсе не равно сумме всех отдельных частей. Открывается этически плодотворная перспектива, когда властвующие (те же чиновники) ощущают себя носителями государственного сознания. В частном плане они могут позиционировать себя как члены бюрократического аппарата, но одновременно они мыслят себя в качестве выразителей интересов государства и, что самое главное, воспринимают эти интересы как фундаментально общие, а не личные или частно-групповые.

Именно таким образом возникает возможность власти социального служения, или «власти в чужом интересе», которая предполагает служение общей пользе, включая и пользу самого служащего. В то же время другая сторона политического властвования — подвластные — тоже становится носителем идеи государства как поля общего, хотя и в другом смысле: эта сторона

ожидает и требует от властвующих выражения и соблюдения общих интересов. Признание государства только как учреждения не создает подобной политико-идеологической атмосферы.

Другая важная посылка заключена в постулировании тесной связи идеи государства с конкретными историческими условиями и политическим опытом данного народа. Она говорит о предпочтении на практике формы государственного устройства, которая не только соответствует «идеалу современности», но легко осуществима, наиболее прочна и ценима народом⁶.

Аристотель описывает ситуацию своего времени, которая в существенных чертах повторилась в сегодняшней России. Он указывает на то, что политические философы зачастую выдвигают в качестве примера для подражания устройство соседних государств, которое вовсе не годится данному народу. Следствием такого подхода становится вывод о возможности автоматического переноса абстрактно сконструированной модели государственности из одной социальной среды в другую безотносительно к конкретно-историческим условиям бытия данного социума. Однако чужеродная форма правления чаще всего оказывается неосуществимой или неустойчивой в новых условиях. При этом нарушается константа вектора национального существования, направленного из прошлого в будущее, что чревато бесплодными деструктивными взрывами социума (революциями) вместо рационально-постепенного созидательного его реформирования.

К такому результату привело в современной российской обстановке столкновение европейских либеральных идей с этатистским наследием и опытом, что сделало актуальной проблему осознания государства не

только как учреждения и института управления, но и как органического продукта конкретных условий. Важной стороной постановки вопроса о государстве, таким образом, является *историчность*, связь современных воззрений и практик с накопленным опытом и природно-историческими условиями реализации государственности.

Третий момент, важный для осмысления общественных преобразований сегодня, — это акцент античной мысли на этической составляющей государственности. Известный тезис Аристотеля о том, что «государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку»⁷, предполагает признание за государством высшей *этической ценности*. Государство есть воплощение высшей из всех идей — идеи добра. Главной целью государства является поэтому не просто совместное проживание, вытекающее из потребностей и преимуществ совместной жизни, а деятельность, направленная к добру.

Важным тезисом, который оказал влияние на размежевание учений античности и имел воздействие на всю позднейшую европейскую мысль, является определение первенствующей роли — человека или государства — в созидании общества. Уже киники, стоики, а вслед за ними эпикурейцы утверждали, что идея справедливости как главная мировоззренческая идея, конституирующая общество, коренится не в государстве, а в личной добродетели, в жизни индивида. Основной нормой по отношению к государству и политике в целом для эпикурейцев была аксиома: «живи скрыто, таись», которая подразумевала отстранение от всякой политической жизни, погружение в собственный личный мир. Такое отношение неизбежно приводило к ценностной деградации восприятия государства.

Подобный взгляд на государство не равноценен анархистскому, он сродни «моральному нигилизму». Представители этих учений не отрицали абсолютной нужности государства, они трактовали его как учреждение, необходимое и неизбежное для поддержания жизни общества. Известно изречение киников о том, что к государству надо относиться как к огню: не следует подходить слишком близко, чтобы не обжечься, и не следует слишком удаляться от него, чтобы не замерзнуть. Поздняя европейская либеральная традиция, наследуя подобные идеи, окрестила государство как «неизбежное зло», которое должно найти практическое применение, умеряя другие, частные человеческие недостатки. Определенный итоговый синтез античного политического мышления содержится в воззрениях Цицерона, отдававшего приоритет «общежительной» природе человека и считавшего государство высшей моральной ценностью.

2. Имплицитный раскол традиции государственности в эпоху Средневековья

Общий этатистский дух, свойственный греческой политической мысли, был перенесен в средневековую философскую традицию, которая, в целом, укрепила и усилила его.

Исключение составляет идеология раннего христианства, диаметрально противоположная античному этатизму. Оно провозглашало радикальный разрыв личности, посвятившей себя исканиям в духе, с земным царством. Для раннего христианства была характерна крайняя аполитичность (тезис о «царстве внутри нас»

направлен на внутреннее перерождение человека). Исключая возможность изменения человеческой природы через социальные институты, раннее христианство отвергало и государство как исполнителя такой функции. Признавалась лишь идея космического всемирного единого государства, пресуществующего в божественном уме, и — в качестве аналогии ему — идея объединения мира как большого государства.

Идеология расцвета Средневековья, напротив, меняет свое отношение к государству, усматривая в нем божественное установление в земной жизни и воспринимая его как высшую ценность. Главная цель государства — объединительная, призванная наладить общую централизованную жизнь крайне раздробленного европейского феодального общества.

В то же время в эпоху Средневековья наметились фундаментальные особенности восприятия политической жизни, которые размежевали западноевропейскую и восточную, в том числе российскую, социально-философские традиции.

Политическая ситуация Средневековья определялась борьбой между двумя властями — церковной и светской. Для Европы было характерно острое противостояние власти папской и императорской, которое достигло своей кульминации в известном «споре об инвеституре» (по вопросу о постановлении на церковные должности) между Генрихом IV и папой Григорием VII. Фактически это означало выстраивание баланса двух властей — церковной и светской. Специфика европейского положения состояла в том, что христианская традиция не была органическим продуктом варварской культуры галлов и германцев. Римско-католическая церковь изначально оказалась оторванной от